

Обычно поздней весной и летом я всегда задаю себе вопрос: ну почему столицу Америки решили построить именно в этом месте, в этом сраном климате? В тени здесь укрыться от жары и духоты невозможно. Пять месяцев, с мая по октябрь, средняя температура воздуха держится в пределах 90—100 градусов по Фаренгейту, примерно 35—40 ° по Цельсию. В буквальном смысле ощущаешь, как плавится в горячие дни асфальт под ногами. Особенно убийственной кажется повышенная влажность. Даже ночью не отпускает «духовка», сдавив легкие и сердце влажным и вязким обручем. Спасти можно лишь внутри помещения или в машине, где есть кондиционеры.

В местном музее искусств я как-то увидел старинную картину. Она до сих пор у меня перед глазами, когда я ошалело бреду по душным, залитым солнечным светом вашингтонским улицам. На картине — дамы и господа, примерно XVIII—XIX веков, с зонтиками и веерами, наблюдают, усевшись на пригорке сразу за Вашингтоном, за сражением двух армий чуть поодаль, в долине. Солдаты английской и американской армий колют друг друга штыками, взрываются серым дымом старинные пушки, а в это же время пикник на пригорке продолжается.

Точно так же было и сто лет спустя — во время войны северных и южных штатов, между «союзной» и «конфедеративной» армиями. После победы северяно-юнионистов было, наконец, отменено рабство. Войны шли, а господа все так же на них взирали, как сегодня смотрели бы футбольный матч, расположившись на удобных креслах, и слуги подносили хозяевам напитки. После сражений трупы оставались на полях боев необранными, и на столицу горячий влажный ветер нес смрад разлагающихся тел. Добавьте к этому температуру под 40 °, палящее солнце и никаких кондиционеров! Как умудрялись люди в таких условиях выживать? Но, видать, были у отцов-основателей какие-то мотивы, чтобы построить город на осушенных болотах двух соседних штатов: Вирджинии и Мэриленда.

В тридцатиградусную жару и духоту, несмотря на раннее утро, я бреду по раскаленным улицам Вашингтона на службу. Парит так, как будто пробираешься по тропическому лесу. Или по болотам вблизи Амазонки. Народа на улицах еще не очень много. За исключением нищих, которые уже вышли на промысел.

А возле нашего офиса социального страхования, по-советски — собеса, в центре города — уже очередь, несмотря на ранний час. К моменту открытия очередь будет опоясывать все здание, напоминая размерами давку на какой-нибудь рок-концерт. Для нищих и малоимущих, включая иммигрантов, подобные офисы расположены не только в столице, но и по всей стране. В одном из них мне удалось какое-то время поработать. Случилось это уже после получения гражданства, да и по чистой случайности. Открылась вакансия русскоязычного специалиста по бенефитам и меня, после недолгих собеседований и ожидания, туда приняли.

Что интересно, на знание русского языка, как бы подтвердить, что я действительно могу говорить, — меня тестировал работник-американец. Спросив имя, отчество и биографию, он с акцентом спросил, каких русских писателей я знаю и ценю. Помня всеамериканскую любовь к Достоевскому, я назвал Федора Михайловича, хотя, честно говоря, мне он всегда казался тяжеловатым. А еще упомянул Толстого и Чехова.

— Yes, yes, Leo Tolstoj! — от волнения сбился на родной язык проверяющий меня американец, — War and Piece! Cool!

Так, заложив в душе читающего американца симпатию, я прошел интервью «на ура» и получил официальное подтверждение, что я настоящий русский. Теперь я имел право помогать клиентам устно во время интервью и переводить на английский их паспорта и свидетельства о рождении. Трудно представить, как где-нибудь в России, при приеме на работу, британца или американца на знание языка проверяют местные. Но здесь, в Америке, случается всякое. Так я влился в многочисленные ряды вашигтонского офисного люда.

II

Над офисными работниками иронизируют не только в столице. Начиная от патрульного полицейского и заканчивая шофером-дальнобойщиком. Каких только обидных кличек и прозвищ не придумано в нашу честь! Для начала традиционные: «офисный планктон» или «офисный балласт». Есть еще «Гераклы скрепок и дыроколов», «толкатели бумаг», desk-джокеи и «рыцари бумажных сражений». Все американские трудящиеся считают огромную армию офисных служащих в большинстве своем бездельниками и карьеристами. Говорят, что наша самая распространенная производственная болезнь, это неизлечимое сплющивание костей таза от постоянного сидения. А самая тяжелая производственная травма — порез пальцев бумагой. Не исключаю, что какая-то правда в этом есть. Однако, несмотря на насмешки, миллионы американцев все же продолжают работать в офисах. Только государственных офисов здесь наберется несколько сотен, а сколько еще существует частных! И это понятно: в эпоху интернета на нас, «Гомо Бюрократикус», лежит вся бумажная мощь Америки. Одной подписью или нажатием кнопки на компьютере мы можем закрыть магазин или банк, остановить выплаты зарплат, пенсий или льготных пособий.

Русскоговорящая община здесь, в «Большом Вашингтоне» (включающем не только саму столицу, но и прилегающие к ней штаты Вирджиния и Мэриленд) примерно, тысяч двадцать-тридцать. Много пожилых людей, у которых все уже позади. Причем, работа в бывшем СССР при начислении американской пенсии не учитывается. Пенсию в Америке можно получить, только отработав здесь десять лет и набрав определенное количество т.н. «квотеров», то есть расчета зарплаты за каждые три отработанных месяца.

Большинство престарелых иммигрантов под эту категорию не попадают и могут рассчитывать только на социальные программы. Здесь на помощь федеральным социальным службам приходят местные, финансируемые правительствами штатов или округов с графствами. Со скидкой продаются старикам в аптеках лекарства. Местные

власти так же добавляют немного денег на питание, выдавая пенсионерам и неимущим продуктовые карточки. А на аренду квартиры — ваучер со скидкой. Не сравнить, конечно, иммигрантское пособие с пенсией американцев, проработавших здесь всю жизнь. Но все же.

В качестве «собесовца» мне довелось не только проинтервьюировать сотни наших бывших соотечественников, но и посетить-посмотреть несколько домов, библиотек и клубов для наших иммигрантов. Раз в месяц меня с русскоязычным коллегой — врачом-иммигрантом из местной больницы, пенсионеры зазывали к себе на лекции в местную иммигрантскую библиотеку. Народу на такие встречи собиралось немало, ведь льготы вопрос серьезный. Приходили не только пожилые люди, но и их взрослые дети, уже адаптировавшиеся в американской действительности, а заодно и внуков со внуками приводили, пока мы заседали — позаниматься в кружках танцев, самодеятельном театре или попеть в хоре. Увы, доля наших соотечественников в выделяемой государством социальной помощи все еще очень незначительна. Основными нашими клиентами были и остаются малоимущие и престарелые афроамериканцы и члены их семей. Они составляют в Вашингтоне большинство населения, которое часто по этой причине называют «шоколадным».

III

Форма одежды офисного работника называется «business casual». То есть, галстук не обязателен, но брюки и рубашка для мужчин (желательно, отглаженные) и юбки до колен и блузки у женщин. Перед выходными — по пятницам, даже разрешается ношение джинсов и теннисок. На ногах — любимая обувь washingtonских бюрократов — кроссовки, вошедшие в моду в конце 80-х. Многие работники по утрам идут в них от станции метро до офиса, чтобы переобуться затем в парадную обувь. Поэтому часто на улицах Вашингтона можно увидеть деловых мужчин и женщин в дорогих костюмах и даже с ультрамодным галстуком, но в кроссовках.

Некоторые из моих коллег офисный стиль одежды на службе, и так не слишком тяжелый, воспринимают еще более облегченно. Работал как-то в нашем офисе один американец по имени Рэнди. Седовласый и худощавый белый мужчина лет 65-ти. То ли наносился он галстуков в свое время до тошноты, то ли в преддверии пенсии совсем махнул рукой на приличия, но последнее лето проходил он на работе в гавайской расписной рубахе и... в шортах.

— Рэнди,— в ужасе говорил я ему,— они тебя уволят! Нигде не сказано, что ТАК в офисе можно ходить!

— Да,— отвечал мне с хитрой улыбкой Рэнди,— но нигде и не говорится, что ТАК в офисе ходить нельзя!

Так ведь и проходил, шельмец, все лето в своих шортах. Поскольку с посетителями лицом к лицу не встречался и ничего взгляда не оскорблял. Большинству же посетителей все равно, в шортах ты или нет, лишь бы дал им то, за чем они пришли. В работе с ними главное — не сбиваться с написанного скрипта, шпаргалки, попростому. Когда я начинал, то все время носил с собой шпаргалку с вопросами интервью, переведенными на всякий случай и на русский.

Хотя на самом первом своем свидании с глухонемым клиентом, но читающим по губам, так переволновался, что перепутал «deaf» (глухой) с «dead» (мертвый) и на своем английском спросил, был ли он мертвым от рождения. Опомнился только, когда за столом мой гость, его адвокат и мой куратор громко заржали, как кони. Хорошо хоть с юмором клиент оказался, а то мое первое интервью могло бы стать и последним.

Уволить новичка в первый год могут запросто. Вспоминается шутка университетская, когда первокурсник дрожит весь год с одной лишь мыслью: отчислят? На

второй год он уже думает так: отчислят или не отчислят? На третий: а, может, все же не отчислят? И на последний год обучения: пусть только попробуют отчислить! Так и на госслужбе. На моей памяти за все время работы уволили в первый год только одного типа, который заснул за столом во время интервью. Да и то он, наверное, мог бы сослаться на состояние здоровья, если бы не было у него других «косяков». А поскольку к начальству на него бегали жаловаться другие сотрудники, то решили от него избавиться. Если же работник выдержит испытательный срок, то уволить его, даже при всем желании начальства, будет очень непросто. За него будет теперь весь Трудовой Кодекс США. И обжаловать он может спорное решение вплоть до Верховного Суда страны, с выплатой всей удержанной зарплаты плюс компенсация за моральный ущерб. Начальству же потом намекнут, мол, сами виноваты, вовремя не избавились!

IV

Если бы у государства было достаточно денег, то льготы давали бы всем. Но так как бюджетных средств на «социалку» всегда не хватает, приходится нам, работникам соцстрахования и обеспечения, многим из посетителей отказывать. И за это выслушивать оскорбления, а иногда и угрозы. Пришел как-то на интервью мужичок в ковбойской шляпе. Это в Техасе такие шляпы носят все, а здесь, на Восточном побережье, очень немногие. После короткого интервью, разузнав, что у мужичка есть какие-то сбережения и даже две машины, я ему объявил, что на социальную помощь он претендовать не может. Так как программы рассчитаны больше на совсем неимущих или очень мало имущих. Мужичок мою отповедь выслушал, поинтересовался происхождением моего акцента и, поднимаясь с места, произнес вместо прощания:

— Как получилось, что в офисах так мало настоящих американцев, и всю работу отдали приезжим иммигрантам? Немудрено, что и льготы все у нас отобрали!

Я бы мог, конечно, ответить ему, что «коренные» американцы как раз и не хотят устраиваться на подобные нервные и нелегкие работы, оставляя эту «привилегию» приезжим. Им, видать, нужно денег много и сразу, а уж если работу, то с офисом и личным шофером. Например, каждое лето через наш офис проходило немало молодых парней из Сербии, России, Турции, получавших номера социального страхования для сезонного трудоустройства. В основном, на позиции официантов или спасателей в бассейнах. Когда-то эти работы были нарасхват у местной молодежи, вчерашних выпускников школ перед поступлением в колледжи и университеты. Сейчас подавляющее большинство принадлежит иммигрантам. Про озеленительные работы и чистку улиц я уже и не говорю: их прочно захватили легальные и нелегальные иммигранты из Мексики, Сальвадора, Гватемалы и других южноамериканских стран. Да только не стал я ничего говорить. Потому что подобные реплики выслушивал не впервые. Это еще не самое грубое, что мне доводилось слышать. Бывало, что и к психиатру клиенты советовали обратиться. На слуху были случаи, когда наших работников во время интервью не только оскорбляли, но и плевали в них, пытались ударить и т.д.

Однажды под конец рабочего дня в наше окно даже влетел с улицы бульжник, брошенный очередной горячей головой, получившей отказ от льгот. Слышал я и об угрозах клиентов встретить кого-нибудь из сотрудников после работы. Прямо как школяры когда-то. Охранники в офисе обязательно раза два—три в неделю какого-нибудь не в меру разошедшегося клиента за руки на улицу выводят. А то и передают полиции для успокоения. Для таких буйных голов в офисе созданы «черные списки» и провинившимся запрещено появляться без социального работника или адвоката.

В свое время нам было строго запрещено начальством держать на столе любые острые предметы, вплоть до шариковых ручек. В конце концов, дело дошло до того,

что каждый стол превратили в кабинку, отгороженную от посетителя толстым стеклом. Хотя большинство клиентов — абсолютно нормальные и вежливые люди, несмотря на свою нищету или болезни. Многих из них я за несколько лет работы в конторе стал узнавать в лицо или по именам. Так как появлялись они, по крайней мере, раз в месяц, а иногда и чаще, если теряли свой чек на социальное пособие. Среди них — и живущие в юго-восточной части города, так называемых «прожектах», и очень много просто бездомных.

V

Нищих и бездомных стало в Вашингтоне особенно много в конце 80-х, когда закрыли местный психиатрический госпиталь Святой Елизаветы. Там лечились многие малоимущие пациенты, страдающие психическими заболеваниями. Денег на их лечение у городских властей оказалось недостаточно, и клинику почти полностью распустили. Оставили только отделение для самых «буйных», где, кстати, до недавнего времени отбывал отсидку тип по имени Джон Хинкли, пытавшийся лет тридцать назад убить президента Рональда Рейгана. Годами позже новые городские власти клинику опять открыли. Но было уже поздно. Разбежались по городу тысячи не совсем вменяемых людей, оккупировавших все ночлежки и церкви города по ночам, а днем просящих милостыню в парках и на оживленных улицах. И осаждающих офисы социального страхования. Больше идти им было некуда. Из ночлежек их под утро регулярно выгоняли, чтобы не начинали воровать друг у друга последние деньги и драться. Несмотря на лишения и нужду, вашингтонские попрошайки считаются одними из самых вежливых в стране. Если не получают денег, все равно пожелают хорошего дня и пойдут дальше. В Филадельфии, для сравнения, когда я отказал нищему, тот сильно обиделся на меня и начал склонять меня по матери. А в Мемфисе, штат Теннесси, бродяги могут и с кулаками наброситься при отказе дать им немного мелочи.

Хотя Вашингтон и «нарезан» аккуратными квадратиками улочек с уютно расположившимися на них жилыми домиками «викторианского» стиля — двухэтажными, с большими окнами и башенками на крышах, в центре его располагаются несколько больших «колец». Как правило, это проезжая улица с прилегающими магазинами, парками и офисными зданиями. Здесь издавна расположены деловой и научный центры Вашингтона. Улицы пронумерованы и вместо обычных названий зачастую просто обозначены алфавитными буквами. При внешней схожести все жилые дома, построенные лет сорок-пятьдесят назад, разные. На целой улице невозможно найти двух одинаковых домов. Самое высокое здание в деловой части — не больше десяти-пятнадцати этажей. По проекту города все здания не должны превышать высоту Вашингтонского монумента, каменной стелы напротив Белого Дома. В центре каждого из «колец» обычно — памятник и парк, названные в честь героев американских революций. На углу одного из таких парков, названного в честь французского генерала Дюпонта, меня как-то вечером окликнул один из бродяг.

— Эй, парень,— обратился ко мне чернокожий мужик лет сорока,— у тебя отличная походка! Сразу видно, что ты вырос на улице!

Я, конечно, не модель, но от таких слов немного приосанился и даже поговорил с ним немного. Он мне рассказал, что вырос здесь, в Вашингтоне, но не в центре, а на бандитских окраинах Юго-Востока. В юности был членом подростковой банды и много дрался с такими же парнями из соседних дворов. Сейчас, вроде, образумился и даже ищет по городу работу.

Я тоже вспомнил, как десятиклассником бегал в ватаге алма-атинских пацанов на «разборки» с такими же пацанами-старшеклассниками из соседней школы. А в тех «бандах» своих районных, середины 80-х, мы даже ходили вразвалку, как тогда говорили: «по-центровски». Отдав, на радостях, пять баксов своему неожиданному собе-

седнику — на метро до дома, как он попросил, я пошел себе дальше, погруженный в приятные воспоминания. И отойдя немного, опять услышал за спиной знакомое:

— Эй, дружище, я вижу, что ты вырос на улице! — дружелюбно зывал мой собеседник к пробегающему мимо пузатому мужику офисного вида с портфелем. — Я это вижу по твоей походке!

VI

Со времен Союза я смутно помню собес как пару комнат с заваленными бумагами столами и узкий коридор в подвале ЖЭКа, где на двух стульях сидят старушки, а за ними еще очередь человек в пять. У нас же — типичное современное офисное здание, со стеклянными дверями, белыми потолками и серыми пластиковыми полами и стенами, а также охраной и окошками для разговора с посетителями. Для более длительных интервью посетителей проводят в комнату побольше, где стоят столы с компьютерами и телефонами.

Офис наш находится неподалеку от банков, ресторанов и гостиниц, в спокойной северо-западной части города. Но есть и еще один — на юге, недалеко от не очень благополучной и совсем не безопасной части города, омываемой рекой Анакостией. Здесь, вместо красивых зданий и памятников, — больше складов, подсобных помещений и кварталов бедняков. Эти районы называют «прожекты», и представляют они собой неказистые двух-трехэтажные домишки из унылого бордово-красного кирпича. Могут быть и серыми, но общий унылый вид от того не меняется: маленькие, как правило, зарешеченные окна, узкие подъезды, куца детская площадка во дворе, хлипкий заборчик в мелкую сетку. Мало деревьев и прочей зелени, не считая выгоревшей набело к концу лета травы.

Большинство живущих в «проjekтах» — малоимущие афроамериканцы. Живущие либо на государственные пособия, либо перебивающиеся очень небольшим заработком. Поэтому жизнь здесь больше напоминает деревенскую, чем городскую. Всей улицей или домом по вечерам, прямо во дворе, жарят мясо на грилях, пьют пиво из бутылок, спрятанных по привычке для маскировки в коричневые бумажные пакеты. Тут же играют в баскетбол, танцуют, скандалят, орут на детей, торгуют наркотиками и мелкой ерундой, опять едят и выпивают.

Несмотря на то, что контора наша находилась в спокойной части города, пришлось мне бывать и в «проjekтах». Когда я только начинал, местное правительство еще пыталось охватить всех своих клиентов. К больным даже посылали представителей собеса на дом. Сейчас эти попытки прекратились. Но не только потому, что есть в Вашингтоне места, куда белому даже днем показываться не стоит. Будь он хоть социальный работник, хоть полицейский. Причина была еще и в том, что в последние годы как-то резко увеличился наплыв посетителей в офисе, и начальству стал дорог каждый сотрудник, которых, как оказалось, и так не очень много. А тогда, в паре с кем-нибудь из коллег или одному, приходилось «пилить» на другой конец города в один из «проjekтов». Днем они выглядят пустынно и тихо, даже мирно. Изредка разве пройдет вперевалку ватага юнцов в белых футболках. А так ни детей на площадках, ни почтальонов или полицейских, даже обычных прохожих мало.

Ближе к вечеру «проjekты» оживают, превращаясь к ночи в шумную «воронью слободку». То тут, то там возникает пьянка или драка, а бывает, что и постреливают. Есть подобные кварталы и на северо-западе, но больше всего их настроено именно в юго-восточной части Вашингтона. Даже одеваются здесь похоже: подростки и мужики в одинаковые белые, не заправленные футболки и шорты, или темные джинсы с кроссовками. Особый шик — такие же белые и длинные майки-алкоголички. Здесь их называют еще смешнее, со знанием предмета: «женоизбивалки». Женщины тоже любят белые майки, сочетая их с розовыми или еще каких-нибудь диких цветов лосинами.

Вся городская преступность рождается здесь, в «прожектах», на юго-востоке Вашингтона. Не спокоен и северо-восток. Кражи, стрельба, торговля наркотиками везде, вплоть до Макдональдсов. В расположенном поблизости от беспокойных районов города университете Галладет, единственном в стране высшем учебном заведении для глухонемых, студентам настоятельно советуют вечерами за пределы городка не высовываться. Процентом на девяносто девять «прожекты» населены афроамериканцами. Белым здесь делать нечего. Я всегда старался сделать свои дела здесь как можно быстрее. Во всяком случае, до вечера. Если оставлял машину, пока навещал клиента, то и днем мог увидеть на выходе сидящих вокруг нее местных черных парней. А то и на багажнике кто-нибудь пристроится. Парни искренне недоумевали, что машина-то, оказывается, не их, а моя, и нужно им расступиться, чтобы дать мне уехать.

На автобусе или метро добираться туда было еще хуже. Постоянно ловил на себе косые взгляды, и кто-то пытался мне все время что-нибудь продать. Либо телефон сотовый, наверное, украденный, либо часы, либо сигареты. Один водитель автобуса прямо мне и сказал, что не надо бы мне здесь таскаться в одиночку. Впрочем, помотившись так по «прожектам» несколько месяцев, я, как уже говорил, таки прекратил эти поездки по районам бедняков.

VII

По своему опыту проживания в трех странах: Казахстане, России и Америке, я бы разделил их на мужские и женские. И дело не в окончаниях названий, а в том, кто задает тон и влияет на ритм деловой, культурной и социальной жизни. По моему сугубо личному мнению, Америка стала женской страной, функционирующей, в первую очередь, с учетом женской половины населения. Начавшись лет 60 назад, феминистическое движение набрало силу и преобразило страну. В первую очередь, столицу и другие крупные города. Даже по численности — женщин в США на четыре миллиона больше, чем мужчин. Права женщин, их продвижение по службе, образование, безопасность защищены здесь лучше, чем в любой другой стране мира. Подтверждением тому — и факт выдвижения женщины на пост президента страны.

В социальных сферах, судя по нашему офису, эта пропорция обратная — больше мы имеем дела с мужчинами, которые, вроде бы, и на пенсию выходят позже, но, за исключением многодетных матерей из «прожектов», получают льгот больше, чем остающиеся «на плаву» женщины. Ну, а в офисной жизни женщин — подавляющее большинство. По крайней мере, в конторах наподобие моих. По приезду я даже гадал, куда подевались белые мужики? Неужели все они сидят в банках, адвокатских конторах, парламентах, военных и разведывательных министерствах? Похоже, что так, плюс огромное число «айтийщиков», большинство которых тоже составляют мужчины.

Мэры Вашингтона и недалеко лежащего в штате Мэрилэнд Балтимора — женщины. Достаточно их среди конгрессменов, местных и штатских. Главным полицейским комиссаром Вашингтона тоже уже более десяти лет была женщина. Можно сказать, что деловой, образовательной и культурной жизнью Америки заправляют женщины, в первую очередь, белые. Все льготы, продвижения и прием на работу негласно предоставлены им. «Сексуальное домогательство» тоже изобретено ими и доведено до совершенства.

Вторыми по правам следуют афроамериканки, коих в офисах, типа нашего, подавляющее большинство. Их движение за равноправие началось еще в 60-х годах прошлого века. К тому времени, как я начал свою офисную жизнь, в Вашингтоне и пригородах их было процентов 80 в разных конторах, государственных и частных. В афроамериканских семьях женщина с тех пор — главный добытчик. Больше всего их и в конторах типа нашей. И уж только потом на профессиональной лестнице стоят,

по важности и скорости продвижения, мужчины. Причем, белые — на последней ступеньке. А испаноговорящие и черные, благодаря политкорректности, повыше.

Если в приемной госучреждения или банка сидят в ожидании интервью: белая Джейн, черная Джуди, латиноамериканец Альфредо, афроамериканец Елиот и белый Андрю, то больше всех шансов получить работу у Джейн. Если Джейн глупа и ленива, то Джуди вырвет у нее эту работу зубами и будет сидеть на ней до самой пенсии. Вторую вакансию отдадут Альфредо как испаноговорящему. Все офисы хотят иметь таких работников, и вопрос в анкете: «Владеете ли Вы другими языками?» в последние годы прежде всего относится к испанскому. Елиот может тоже «пободаться» и получить работу, особенно если вскользь намекнет работодателю про расовую дискриминацию. Андрю, скорее всего, придется искать работу в другом подобном офисе, надеясь, что другие Джейн и Джуди уже свою долю получили.

В офисной среде, при обсуждении деловых качеств начальства или подчиненного, нет-нет, да и проскользнет упоминание той или иной этнической принадлежности работника. Когда у нас в офисе появилась молодая начальница, проработавшая до того в системе всего пять лет, вокруг пошли разговоры, втихомолку, разумеется, что, вдобавок к своей неопытности, она еще и белая. Впрочем, каждый, кто когда-нибудь побывал «офисным планктоном», знает, что подобные разговоры ведутся везде, не только в Америке. Мне, хоть и белому, но приезжому и как-бы «не настоящему белому», такие разговоры было слушать хоть и странно, но знакомо. В Казахстане, еще в советские добрые времена, паритет на службе между нациями и народностями соблюдался в пропорции: если начальник казах, то замом обязательно должен быть русский. Или русскоговорящий. И ведь такая система работала до поры до времени. Во всяком случае, не припомню я, чтобы слышал, как слова «казах» или «русский» употреблялись в качестве описания деловых качеств работника. Хотя своего следующего повышения здесь, в американской конторе, мне пришлось ждать десять лет.

